

Глава 1

*Постижение, когда каждая деталь
будто удар ножом между ребер —
страшная штука.*

Александр Георгиев

— И что ты хочешь от этого Полторацкого? — выдаю ровным до безразличия тоном.

Хмуро смотрю на мать, которая даже на гребаном приеме в день своего рождения не может оставить работу в стороне.

— Все, — заявляет жестко, — этот принципиальный ящер только за первую неделю проверки отцу всю кровь выпил. Упорно строит из себя законопослушного. Будто такие еще где-то остались!

Сжимая челюсти, вскидываю взгляд выше головы матери и машинально оцепляю вниманием всю приглашенную гондон-интеллигент-толпу. Подборка ярче, чем в джунглях: политические шлюхи, продажные шкуры, исполнительные твари, чванливые лицемеры, «князи из грязи» и прочая шваль с завышенным ценником. Перечислять долго, хоть все это стадо разом и гребет под один вид — высшее общество. Суть в том, что, если бросить правильный клич, они вцепятся друг другу в глотки.

— Выпил отцу всю кровь, говоришь? — выдавливаю из себя небрежно. — И поэтому ты отправила ему приглашение еще и на свой юбилей?

Елена Шодерова

— Держи союзников близко, а врагов — еще ближе, — навешивает поучительно.

Похрен. Мимо проходит. Не раздражает. И даже не улыбает.

После определенных событий в своей проклятой жизни я перестал обращать внимание на подобные резкие, ликбез-интенсивы. А если быть точным — я перестал обращать внимание на все.

Эмоций нет. Чувства купированы. Раны после прижигания черны.

— Гениально, — отбиваю сухо, до хрипоты.

Подношу ко рту стакан, чтобы сделать очередной глоток рома. Живее алкоголь меня, безусловно, не делает. Но подпитать застывшие за грудиной механизмы, дабы не заржаветь окончательно, стоит.

— В общем, пригодится любая информация, которая даст возможность надавить на Полторацкого.

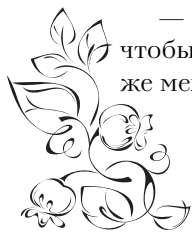
— А если такой информации все же нет? — предполагая это, расчетливо отвешиваю едкую ухмылку. — Знаешь, так бывает, — подмигиваю с той же ленивой издевкой.

— Человеку пятьдесят семь, большую часть из этих лет он в генеральной прокуратуре, — орудует мама будто бы весомыми аргументами. — Такое невозможно.

Качнув стаканом, с куда большим удовольствием смотрю на то, как болтается внутри него темный ром, чем на окружающую меня пафосную вакханалию.

У матери в подчинении десятки специалистов. Рыть гнилой компромат на этого честного прокурора определено есть кому. Но она любыми путями пытается втянуть в свои дела меня. Вот вспомнила даже о моей «бесперспективной» IT-специальности и сопутствующих навыках.

— Почему ты не привлечешь кого-то из столицы, чтобы его, так сказать, образумили? — задвигаю с той же механической улыбкой. — У тебя же хватает связей.

— Пробовала, — цедит она с очевидным раздражением от своего бессилия. — Никто из моих на него влияния не имеет. Откуда вылез только?

— Ладно, мам. Скинь мне его данные. Я посмотрю. Нет. Не посмотрю.

Но кипучую деятельность разыграю. Только бы отвязалась.

— Спасибо, сынок, — почесав ладонью по моему плечу, оставляет у уха бесконтактный поцелуй.

Выглядит более довольной, чем пару часов назад, когда я вручал ей свой гребаный подарок. Прямо-таки светится от осознания, что мы с ней якобы в одной связке.

Заметив разводящего толпу, как Посейдон море, отца, напрягаюсь. Не на инстинктах, давно никаких страхов не осталось. А исключительно согласно внутреннему протоколу своего железного нутра.

— Ну и где эта скотина? — высекает папа с мрачной приглушенностью. Высматривая Полторацкого среди практически идентичных блестящих фигур этого банкета, сердито жует губы. — Знаете, что он мне под конец рабочего дня вменил? Блокировку и безосновательное изъятие каких-то [™]смердящих дел. Говорит, что у меня личные интересы и незаконные привилегии по аграрному сектору. А обосновал эти наезды, угадайте, чем? Он намотал каких-то сплетен по «Южному региону» и Машталерам, в частности. Оказывается, наша ищейка сама почти что местная. Родня, ходы, еще какая-то чехарда. Пусть найдет что-нибудь по официальному делопроизводству. Пусть предъявит на законном основании. Пусть, сволочь, попробует. У меня-то все чисто.

— У тебя-то да, — презрительно фыркает мама. — Игнатий, смени походку. Трусы зажевало.

— К чему это ты? — выдает раскрасневшаяся рожа отца.

— А к тому, чтобы ты не раскидывался зря понтами. Расслабься. Не суетись. Я сама все решу. Как обычно.

Отвожу взгляд в сторону и незаметно делаю глубокий вдох.

Даже статус главного прокурора области не способен хоть сколько-нибудь возвысить отца над матерью. Она его давно подмяла.

— Люда, как я могу расслабиться? В моей прокуратуре по чьей-то наводке идет проверка!

— Да не разъяряйся ты, сказала же, — снова одергивает его мама. — И прекращай пить. Развезло уже. Не позорься хоть сегодня. Ответственный вечер.

— Насчет нашего бизнеса он тоже в курсе, — продолжает пороть панику отец. — Уколот так издадека, мол... как удобно, когда у высокопоставленного должностного лица есть совершеннолетний сын, на которого можно все оформить и списать миллиарды. Я ему, естественно, ровно выдал, что весь бизнес до недавнего времени принадлежал тестю. После смерти последнего кому еще, как не единственному внуку, все наследовать?!

— Смотри, какой внимательный. Справки наводит да сплетни собирает. Все-то ему не то интересно, — выдает мать, монотонно постукивая пальцем по бокалу с шампанским. Прищуривается, впрочем, сохраняя общее хладнокровие. Зная, сколько процессов у нее в этот момент в голове кипит, удивлен только тому, что она еще не сливается в один цвет с багровым от неконтролируемой ярости, вызванной отцом. — Что ж... Не уймется, придется его раздавить.

— Кстати, сын, — спохватывается отец, как всегда, сбавляя обороты при обращении ко мне. — Там твоя подпись по нескольким вопросам нужна. Заедешь завтра в офис?

— Заеду, — выдаю скупую реакцию.

И прикидываю, не выйти ли в парадную дверь прямо сейчас.

Сколько еще тут торчать, чтобы не вызвать у матери обиду?

— Я тебя потеряла, — выдыхает мне в ухо Влада. Прижимаясь к спине, мимолетно скользит ладонью по животу под полу пиджака. Если бы я мог что-то чувствовать, наверное, был бы рад ее слышать сейчас. Во всяком случае, она поприятнее чертовых родителей, которые только и делают, что последние мозги выносят. — Как тебе музыка, Алекс? Потанцевать не против?

Влада перемещается. Становится рядом со мной. Смотрит в глаза.

Равнодушно принимаю заискивающий взгляд ее, несомненно, красивых серых глаз.

Отставляю стакан с недопитым ромом на подносе своевременно засуетившегося официанта. Молча сжимаю узкую ладонь. Веду Владу на площадку.

Аромат сладких духов. Физический контакт. Нежное скольжение теплых пальцев по шее над воротником моей рубашки.

Но инстинкты спят. Ничего не чувствую.

С Владой я просто знаю, когда мой член должен встать. Сейчас в этом необходимости нет. А потому я не пытаюсь включать какие-то реакции. Ее же моя холодность не напрягает.

Влада удобная по всем статьям.

Она спокойно мирится со всеми моими странностями. Настолько, что ее не отталкивает даже то, что я не целую в губы и не позволяю касаться своего лица.

— На следующих выходных выставка. Я бы хотела пойти, — заходит, как обычно, мягко. — Ты как? Не против?

— Сходим.

— Прекрасно, — радуется, пытаюсь поймать мой взгляд. Даю ей это, чтобы прекратила суету. — А завтра заедешь? К папе интересные люди на ужин придут. Он говорит, хорошие связи для будущего... Нужно закрепить, раз выпала такая возможность. Ты как считаешь?

— Заеду. Познакомимся. Посмотрим.

— Супер!

Елена Шодерова

— Только не раньше семи. У меня тренировка.

— Семь — идеальное время! Гости к половине будут. Разогреются, расслабятся... — смеется. Я не утруждаюсь даже улыбку выдавить. Просто наблюдаю. — Ну ты же знаешь папу, — закатывает в восхищении глаза. — Он умеет располагать.

У меня насчет Владимира Всеволодовича другое мнение. Но желания его до кого бы то ни было доносить не возникает.

— Ты еще долго здесь оставаться планируешь? — спрашиваю тем же бездушным тоном. — Я через полчаса уеду.

— Я с тобой, конечно.

— Ок.

Возвращаемся к предкам. К ним как раз присоединились Машталеры — родители Влады. Завязывается очередной бессмысленный разговор. Я участвую мало, только если ситуация того реально требует.

Последние полчаса тянутся удушающе долго. Вязну в устойчивом состоянии апатии. Говорю все меньше. Практически не двигаюсь. Цепенею не только внутри, но и внешне.

Пока в один момент все не меняется.

— Вот он, — выплевывает отец то ли взбешенно, то ли взволнованно. Стакан-то у него не отняли, — явился Полторацкий!

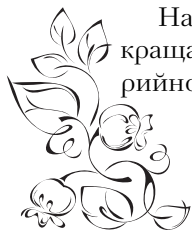
— Так-так... И с кем это он? С дочерью? — размышляет мать в разы спокойнее.

Я машинально, вроде как вынужденно, веду взглядом в том направлении, которое они задают. И вдруг ощущаю в груди странное волнующее колебание.

Пространство качается.

Изгиб девичьей спины. Хрупкая линия плеч. Характерное движение тонкой руки.

На стремительно просыпающихся инстинктах прекращаю дышать. Но пульс уже долбит по венам аварийной сиреной. Застывшая три месяца назад кровь

прорывает дамбу и бросается курсировать по одеревеневшему телу, вызывая в омертвевших клетках жгучее покалывание.

Постижение, когда каждая деталь будто удар ножом между ребер — страшная штука.

Стоило бы развернуться и уйти. Уйти, пока не поздно.

Но вместо этого...

«Повернись!» — орет один из пробудившихся внутри меня демонов.

Девушка встряхивает темными волосами и ведет головой влево. Этого недостаточно, чтобы оценить хотя бы профиль.

И все же... В моей раздувшейся на резком глубоком вдохе груди происходит адская вспышка.

Говорю себе, что этого недостаточно, чтобы растопить глыбу льда, которая сцепила мое разорванное сердце в кучу. Говорю и чувствую, как это чертовое сердце начинает безумно ускоряться.

Брюнетка вновь встряхивает волосами. Догадываюсь, что смеется. И вдруг испытываю дикую слабость и охренеть какое тревожное чувство забытой радости. Расстояние и суэта вокруг не позволяют уловить мелодию ее смеха, но я мистическим образом ее слышу.

Музыканты сменяют направление, и выдаваемая ими композиция лично для меня превращается в нагнетающее ужас превью триллера.

Девушка оборачивается.

Я с тяжелым вздохом прикрываю веки. Сознание прорезает звук того самого выстрела из нашего общего прошлого.

Неудачное одномоментное разминирование на дикость обширной территории моей проклятой души. Я летаю, как в свои лучшие дни. Только в этот раз — камнем в оставленную нами, так и не заполненную ничем и никем пустоту.

И это очередная моя смерть.

Глава 2

Добро пожаловать в преисподнюю, родная.

Александр Георгиев

Любовь — вызов.

Самый дерзкий. Самый яростный. И самый, мать вашу, отчаянный.

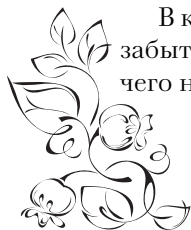
По мере того как между нами с Соней Богдановой — девушкой из моего счастливого прошлого — сокращается расстояние, пространство банкетного зала атакует какое-то эфемерное психоактивное вещество.

Выжигание слизистой. Бешеная стимуляция сердечной мышцы. Активизация всей симпатoadреналовой системы. И мне уже рвет вены сумасшедший гормональный коктейль.

Жар. Озноб. Внутренний штормовой тремор.

Лед трещит и со звоном разлетается по груди. Сердце, качнув излишки кислорода, срывается со своего стационарного места и, прокатившись колючим реактивным шаром в низ живота, падает на дно нашей пропасти. Я не пытаюсь уберечь его от раскола. И когда оно разбивается на ошметки, просто сцепляю зубы и терплю эту боль.

В конце концов, во всех этих ощущениях, какими бы забытыми и неповторимыми они ни казались, нет ничего нового. Все это я уже не единожды проживал.

Однако в реальность происходящего я не верю до последнего. Уповаю на сон, бред, галлюцинации... Что угодно, но Сони тут быть не должно!

Это попросту невозможно. Это ведь вразрез с жизнью.

И все же она здесь. Под руку с долбаным папиком. Останавливается в жалких метрах от меня.

Движения закончены. Накал достигает предела.

Стоп. Пауза. Не дышать.

Готовлюсь к фатальной коллизии, хоть и знаю лучше всех, что против чувств, которые Соня Богданова принесла с собой, не существует защиты.

Рывок. Она поднимает взгляд. И мы сталкиваемся.

Шоковая терапия. Безжалостное убийство. И сразу же мощная откачка. Электричество пробивает мое тело молниями.

Сто тысяч ампер.

Ненависть. Страсть. Ярость. Безумие. Фобия.

Да, любовь — это гребаный вызов. Агрессивная и жесткая провокация, на которую познавшие ее фанатики пойдут, несмотря на все риски. Ибо сейчас мы уже переходим к той стадии, где теряется первоначальное чувство страха. Все эти жалкие монстры сбежали. Мы прошли и испытали так много, что больнее уже просто не может быть.

Или все-таки может?

Срываю с Сони взгляд, как пластырь. Резко и так же безжалостно. Смотрю на мужика, с которым она теперь, судя по всему, трахается, и невольно вспоминаю то время, когда она еще была только моей. От муки и гнева трещат уже не только вены, ощущаю, как все капилляры лопаются. У меня внутри чертово кровоизлияние.

Музыка набирает обороты, словно диджей вместе со мной тронулся. Иначе я не знаю, как оправдать надрывную оперную композицию, которая будто бы призвана подготовить всю эту толпу к массовому расстрелу.

Быстрее бы.

— Тимофей Илларионович, — выходит из ступора первым, как ни странно, отец, — добро пожаловать, — протягивает Полторацкому ладонь для рукопожатия.

Протрезвел, очевидно, за тот долбаный миг, пока нас сек огненными лучами метеоритный дождь. У мамы же по-прежнему нет слов. Если бы я мог свободно дышать, я бы, возможно, даже заржал. Когда мы были с Соней вместе, она ненавидела и презирала ее. И вот он — бумеранг. Богданова под покровительством человека, от которого так или иначе зависит жизнь нашей проклятой семьи. Фееричная оплеуха.

Не только моим предкам.

Я давно не имею на нее прав. Я проработал свои нездоровые собственнические чувства у толкового специалиста. Я со многим разобрался и большую часть ситуаций успешно отпустил.

Но...

Это не мешает мне так же люто ревновать Сою и желать разорвать на куски Полторацкого только за то, что он посмел рядом с ней стоять.

Об остальном даже думать не хочу. Не могу!

В моем одержимом сознании она остается моей. Исключительно.

— Соня? — сатанинская улыбка отца усердно полирует Богданову. — Я верно помню?

— Да, все верно, — подтверждает та, отражая папашкин оскал ледяной улыбкой. — Как ваши дела?

У меня по телу прокатывается дрожь.

И от звуков ее все еще нежного для меня голоса. И от того хладнокровия, которое она, чертово Солнышко, приобрела. Сокрушающее волнение накатывает в несколько этапов. Выдерживаю незаметно только потому, что у меня колоссальный опыт в таких вещах. Никто никогда не узнает, что пока я мрачно раздавливаю этих двоих взглядом, внизу моего живота копошатся мотыльки.

Дышу тяжелее, чем обычно. Свирепо сжимаю кулаки. На этом все.

— Благодарю, все в норме, — заверяет отец. — А как вы?

— У меня все прекрасно.

Шумный решительный вдох рядом — мать приходит в себя. Краем глаза замечаю, как выдавливает из себя улыбку.

— Надо же... Сонечка... Какая неожиданная встреча, — прижимая ладонь к груди, нервно перебирает бусы.

— Ну, говорят же, земля круглая, — подбивает Богданова так же холодно. — С днем рождения, Людмила Владимировна!

— Да. Определенно, — соглашается мама с внушительной паузой между этими двумя словами. — Спасибо!

Я прикрываю на мгновение глаза. Совершаю глубокий вдох. Медленно выдыхая, поднимаю веки.

В двух мирах одновременно находиться невозможно, но факт остается фактом... Я в раю. И в аду. Первый, несмотря на все раны и страдания, побеждает, когда я смотрю на Соню. Второй — когда направляю взгляд на Полторацкого.

— Я очень рада быть в этот день здесь. В моем родном городе. На вашем празднике.

Знаю, как звучит радость в ее исполнении. И это точно не то. Она откровенно издевается.

— Хм, — выдает мама приглушенно. — Ну, как я полагаю, вы в столице, в чем я никогда и не сомневалась, хорошо устроились. Поздравляю, — не удерживается от колкости.

— Спасибо. Приятно, что мысли обо мне какое-то время занимали вашу жизнь, — не уступает ей Соня. — Уверена, сейчас этот процесс может возобновиться. Я приехала в город на неделю.

Мою грудную клетку сотрясают громоподобные удары сердца. Только сейчас осознаю, что оно на месте, и оно работает на износ. Лицо загорается. Этот пожар, определенно, видно визуально. Сжимаю челюсти и принимаю Сонин требовательный взгляд. Она излучает уничтожающее обвинение.

После всего?

Мое гнилое нутро раздирает очередной припадок жгучей ярости. Загубленную демонами душу невозможно исцелить. А вот взбодрить ненавистью — вполне.

— Добро пожаловать в преисподнюю, родная, — приветствую мрачно, наплевав на окружающих нас людей. — Скучал.

А потом разворачиваюсь и иду на террасу.

У мраморных перил замирает мое тело. Внутри же... Колотит все так же нещадно. Пробудилось зверье. Теперь эта война не утихнет. И пора бы уже признать, что новое сражение по всем ощущениям сильнее и ярче предыдущего.

Мы закалились в разлуке. Мы стали жестче. Мы вырастили обоюдную зависимость до гигантских размеров.

Тот, кто любил по-настоящему, понимает, что это чувство не имеет прошедшего времени. Другой вопрос, что одной любви, чтобы быть вместе, не всегда достаточно.

В нашем случае воссоединение невозможно.

Мы друг для друга — смерть.

Эти чудовищные чувства уже настолько заляпаны кровью, что и через век не отмыть.

Достаю из кармана сигареты. Выбиваю одну. Подкуриваю. Затягиваюсь в полный объем легких, пока не ощущаю головокружение, а за ним — тошноту. Уносит, увы, ненадолго. Едва лишь выдыхаю дурман и захватываю свежий воздух, эмоциональные реакции возвращаются.

Новый дымовой глоток. Свежая порция морока. Экстренное расслабление.

Дверь за спиной хлопает. Я не оборачиваюсь. Похрен, кто присоединился.

Знаю одно: не она.

Соня никогда за мной не пойдет. Давнее понимание, а все еще способно вызывать скрипучую боль. Остается только усмехаться — разочарованно и одновременно злорадно.

— Алекс, ты как? В порядке?

Даже не смотрю на нее. Хватаю за руку и подтягиваю к перилам. Сажая на мраморное ограждение. Зажимаю сигарету зубами и начинаю расстегивать брюки.

Влада не шевелится до тех пор, пока я не раскатываю по члену презерватив.

— Здесь же... — нервно заглядывает мне за спину. Через стеклянные двери отлично просвечивается вся дрянная элита. А у Машталер — воспитание и достоинство. — Могут увидеть.

Взглядом даю понять пограничное решение: либо сейчас, либо она будет послана.

Мы могли бы уехать. Да банально спуститься к морю. Но суть ведь не в сексуальной потребности. У меня ее не возникает! Просто сейчас критически упал уровень отвращения к себе. Я жажду его восполнить, пока другие, куда более страшные чувства, не завладели душой.

Поэтому здесь. Поэтому вот так.

Всаживаю во Владу, пока спину не обмораживает дрожью, а сознание не поглощает тьма.

Но и там... И так...

Яркими проблесками рассыпаются губительные воспоминания. Ее так много во мне. Больше, чем меня самого. Я готов орать от отчаяния. И вижу только один способ этого избежать — вколачиваться во Владу до полной потери дыхания.

